

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ СУПРУГА И УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Ольга Григорьевна Зубарева¹, Александра Леонидовна Крупнова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹zybareva@yandex.ru

²krupnova1998@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения правовых статусов супруга и участника общества с ограниченной ответственностью. На сегодняшний день, проблемными остаются вопросы соотношения норм семейного и корпоративного права при определении порядка пользования и распоряжения долей как имущества хозяйствующего субъекта с одной стороны, и общего имущества супругов с другой. Авторы, анализируя судебную практику, приходят к выводу о неоднозначном характере соотношения указанных правовых статусов субъекта в зависимости от существа лежащего в основе правоотношения.

Ключевые слова: супруги, общество с ограниченной ответственностью, доля, общее имущество супругов, семейное предпринимательство

Для цитирования: Зубарева О. Г., Крупнова А. Л. Проблемные аспекты соотношения правовых статусов супруга и участника общества с ограниченной ответственностью // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 95–102. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-95-102>

Problems of Civil and Business Law

Original article

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEGAL STATUSES OF A SPOUSE AND A MEMBER OF A LIMITED LIABILITY COMPANY

Olga G. Zubareva¹, Alexandra L. Krupnova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹zybareva@yandex.ru

²krupnova1998@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of responsibility for the legal status of spouses and the existence of a limited liability company. To date, questions have been raised about the relationship between the norms of family and corporate law on the choice of the procedure for using and distributing shares as property owned by spouses on the other hand. The authors, analyzing judicial practice, come to the emergence of an unusual nature of the application of legal statuses depending on the underlying legal relationship.

Keywords: spouses, limited liability company, share, common property of spouses, family business

For citation: Zubareva O. G., Krupnova A. L. Problematic aspects of the relationship between the legal statuses of a spouse and a member of a limited liability company. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):95–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-95-102>

Актуальность выбранной темы определяется значимым характером как правового статуса супруга, так и правового статуса участника хозяйственного общества. Являясь составными частями правового статуса гражданина как субъекта права, законодательно целесообразно установить баланс правового регулирования данных категорий, при котором субъект может реализовать все предоставляемые законом права. Правовой статус супруга определен нормами семейного законодательства, участника общества с ограниченной ответственностью – корпоративного. Указанные отрасли частного права имеют свою специфику, которая отражается в правовом статусе участников соответствующих правоотношений. В случаях, когда объектом регулирования выступает одно и то же имущество, а именно доля как имущество корпорации и как общее имущество супругов, возникает конфликт правовых статусов субъектов, который и является предметом настоящего исследования.

Научный интерес к данной проблеме основан на большом количестве статей и монографий (на электронном ресурсе сайта www.elibrary.ru насчитывается более 1000 публикаций по данной теме только за последние несколько лет) и выражен в назревшей необходимости разработки эффективных механизмов законодательного регулирования указанного конфликта, пути преодоления которого сформулированы авторами в выводах работы. Правоприменительная практика насыщена примерами, приводимыми в работе.

В соответствии с Гражданским Кодексом¹ и Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью»² (далее – ФЗ «Об ООО»), участие субъекта в обществе с ограниченной ответственностью удостоверяется долей в уставном капитале общества. Являясь по своей сути имуществом, выраженным в процентном или дробном соотношении к уставному капиталу общества (п. 2 ст. 14 ФЗ «Об ООО»), доля отражает тот набор прав, обладая которыми субъект выступает в гражданском обороте как участник конкретного общества. «Система сдержек и противовесов» применительно к обществу содержится в основном документе юридического лица, а именно в Уставе, который принимается всеми участниками общества (либо единолично, в случае, когда в ООО единственный участник).

В данном документе отражены правомочия участника по поводу пользования и распоряжения долей как имуществом компании, изменить установленный обществом порядок и собственные правомочия он вправе исключительно в установленном уставом порядке. Положения устава направлены на защиту бизнеса от посягательств как извне, так и внутри общества. Стоит отметить, что после внесения в уставной капитал общества определенного перечня имущества или имущественных прав, указанных в ст. 15 ФЗ «Об ООО», доля как имущество в натуре или как твердая денежная единица не выражается до момента, когда участник общества намерен каким-либо образом распорядиться ею. То есть, за участником хозяйственного общества закрепляются одновременно права на саму долю и, соответственно, имущество компании, а также права участия в управлении конкретным обществом, в зависимости от положений устава и размера доли. Указанные права не разделены и сосуществуют как единый набор прав и обязанностей у участника общества, которым является физическое лицо.

Правовой статус конкретного участника общества может быть закреплен лишь за одним физическим лицом согласно внесенной записи в ЕГРЮЛ. В тоже время доля, согласно п. 2 ст. 34 Семейного Кодекса³ (далее – СК РФ) (законному режиму собственности супругов), признается общим имуществом супругов, соответственно ее собственниками являются оба супруга. Возникает ситуация, когда в плоскости одних отношений – семейно-брачных, доля принадлежит на праве совместной собственности 2-м лицам, одновременно как в плоскости корпоративных отношений доля удостоверяет права на участие в обществе только у одного субъекта, что подтверждается записью в реестре. При строго формальном, подчиняющемся нормам закона и устава общества, порядке пользования и распоряжения долей, встает вопрос о правовом статусе супруга-неучастника

¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

² Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998, N 7, ст. 785.

³ «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996, N 1, ст. 16.

общества, имеющего равные права на долю в ООО с точки зрения СК РФ, но ограниченного в данных правах нормами иных отраслей права, участником отношений которых он не является.

Поддержание стабильности и целостности бизнеса, осуществляемого в форме общества с ограниченной ответственностью, невозможно без соблюдения необходимых механизмов защиты такого общества [1]. По мнению А.Н. Левушкина «роль участников не может сводиться лишь к пассивному внесению вклада в уставный капитал и ожиданию прибыли» [2]. Поэтому одной из мер защиты общества является предоставление законодателем в рамках ст. 21 ФЗ «Об ООО» права участникам общества на включение в устав запрета на распоряжение долей или ее частью, которое повлечет вхождение в состав участников общества третьего лица, либо отчуждение доли или ее части третьему лицу, если не получено согласие всех членов общества. Данная норма представляет интерес в аспекте нашей темы в том случае, когда супругами принято решение разделить имущество, в том числе такое общее имущество как доля.

По смыслу указанной нормы, в том случае, когда в судебном порядке по нормам Семейного кодекса доля разделена пополам между супругами, фактически наличие в уставе общества упомянутого запрета нивелирует права супруга или бывшего супруга на часть доли, так как супруг является по отношению к обществу третьим лицом. Это обусловлено особым характером состава участников общества, который определяется таким признаком как стабильность (п. 3.2 Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014)¹. В это же время суд при вынесении решения о разделе доли присуждает этому супругу половину доли в ООО, а значит наделяет его определенным объемом прав на нее. Для лучшего понимания неоднозначного характера объема данных прав, обратимся к судебной практике и посмотрим, к каким выводам приходят суды при определении соотношения правовых статусов супруга и участника общества с ограниченной ответственностью.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РФ в апреле 2021 года было рассмотрено дело № А40-324092/2019², истцом по которому выступило Общество, ответчиком – бывшая супруга участника общества, которой в результате раздела супружеского имущества была присуждена половина от доли участника общества, на основании чего супруга зарегистрировала в реестре запись о себе как об участнице общества, минуя установленное Уставом положение о необходимости получения согласия всех участников общества на вхождение в свой состав третьего лица.

Суть спора заключалась в том, что суды, руководствуясь положениями статьи 93 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 21 ФЗ «Об ООО», обосновывали отказ в удовлетворении исковых требований наличием в уставе положения о том, что запрет на вхождение третьего лица в состав общества распространяется на те случаи, когда лицо приобрело права на долю на основании сделки, в рассматриваемом же случае права перешли к супруге на основании судебного акта о разделе имущества, то есть фактически доля в ООО всегда принадлежала супруге.

Рассматривая данное дело, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда (далее – СКГД ВС РФ) указала на недопустимость данного судебного усмотрения, мотивировав отмену актов судов всех трех инстанций неправильным истолкованием истинного содержания указанного запрета на вхождение в состав участников общества третьего лица без согласия остальных. Раздел имущества как юридический факт направлен на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, независимо от того, каким документом он оформлен, то есть является сделкой по своему содержанию. Поэтому отказ в удовлетворении исковых требований на основании наличия судебного акта, а не сделки, как указано в Уставе при установлении запрета на вхождение в состав общества, недопустим. Наряду с этим, СКГД ВС РФ в качестве преюдиции по данному спору принята позиция районного суда, осуществлявшего раздел имущества между данными супругами, о том, что в результате раздела у супруги возникают имущественные права на долю, но она не становится участником юридического лица и не приобретает корпоративные права как участник данного хозяйствующего субъекта, в связи с чем судом не разрешался вопрос о приобретении ею

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N 1564-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

² Определение Верховного суда Российской Федерации № 305-ЭС20-22249 по делу № 305-ЭС20-22249 от 06 апреля 2021 года.

статуса участника общества. В данном случае супруга должна была соблюсти необходимую корпоративную процедуру: получить согласие участников общества на вхождение в их состав. Решение регистрирующего (налогового) органа о внесении сведений в ЕГРЮЛ о ней как участнике общества само по себе не ведет к возникновению у указанного лица корпоративных прав.

Указанный пример из судебной практики наглядно продемонстрировал позицию правоприменителя по вопросу разграничения имущественных и корпоративных прав участия в Обществе, в связи с чем с 2021 года началось некоторое движение в сторону правового разграничения статусов супруга и участника общества. В этом аспекте интересна судебная практика последних лет. В марте 2023 года Верховным Судом было рассмотрено дело супругов Елеусизовых¹, по материалам которого истец (бывшая супруга) обратилась в суд с требованием о выплате ей действительной стоимости доли в ООО, имущественные права на которую она приобрела в связи с разделом общего имущества супругов. Суд первой инстанции удовлетворил требования, однако апелляционная и кассационная инстанции отказали истце в требованиях, мотивируя свой отказ отсутствием предпринятых супругой попыток подать заявку на вступление в общество либо иным образом проявить намерение на участие в обществе, в том числе путем обращения в ЕГРЮЛ с целью регистрации себя в качестве собственника. Учитывая, что данные меры должны применяться лицом, желающим реализовать свои права в случае, когда в Уставе общества установлено ограничение на вступление третьего участника в свой состав, суды не обратили внимание на положения Устава конкретного ООО о полной блокировки такой возможности. Супруг Елеусизовой являлся единственным участником ООО, с его показаний по материалам дела он не препятствовал супруге и не был против ее участия в обществе, что можно трактовать как злоупотребление правом и фактическое ограничение прав супруги как корпоративного, так и имущественного характера. Заведомо зная о невозможности полной реализации корпоративных прав участия супруги в обществе в связи с установлением полного запрета для третьих лиц, Елеусизов, выражая лишь устное согласие, фактически не отказывая супруге в управлении обществом, ограничивал ее имущественные права на выплату ей действительной стоимости доли. В связи с чем, Верховный Суд вынес определение об отмене актов нижестоящих судов, и указал, что в случаях, когда Уставом общества предусмотрено не ограничение, а запрет на отчуждение доли третьему лицу, у такого лица, в данном случае супруги, возникает право на выплату ей действительной стоимости доли без проведения определенных корпоративных процедур.

По материалам еще одного дела No А40-284789/2021, рассмотренного Верховным судом 6 апреля 2023 г., в ООО было два участника, один из которых состоял в супружеских отношениях. Вследствие смерти данного лица, его супруга на основании свидетельства о праве на наследство выделила часть (половину) доли своего супруга, после чего внесла данные о себе в ЕГРЮЛ и затем подарила долю своей матери. Не согласившись с данными действиями, второй участник общества (истец), обратилась в суд с требованием о передачи доли обществу. Суды всех трех инстанций участнице общества отказали, обосновывая свои решения законным режимом имущества супругов, согласно которому у супруги умершего были права на часть доли в ООО еще до его смерти, в виду чего применение положений Устава общества о запрете на переход доли к наследникам участника общества без согласия остальных не применим, ответчица обладает полным набором имущественных и корпоративных прав на долю, а отчуждение доли на основании договора дарения правомерно в виду отсутствия в Уставе общества запрета на отчуждение третьим лицам.

В данном случае суды допустили грубую ошибку в части смешения правовых статусов участника общества и супруга. Верховный суд в своем определении прямо указал: «Сам по себе факт приобретения доли в уставном капитале в период брака одним из супругов не означает, что второй супруг обладает правом на участие в управлении делами соответствующего общества (корпоративным правом). Для получения полноценного статуса участника супругу (бывшему супругу) необходимо потребовать раздела имущества в части доли участия. В случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества или же получения части доли как пережившему супругу, такой супруг имеет возможность

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации No 304-ЭС22-20237 по делу No А27-615/2021 от 30 марта 2023 года.

войти в состав участников со всеми корпоративными правами путем соответствующего заявления, адресуемого обществу»¹.

Занимаемая позиция Верховного суда о разделении имущественных и корпоративных прав отражает позицию некоторых ученых о необходимости изменения законного правового режима супружеской собственности. Сторонники данной точки зрения обосновывают свое мнение не только данным разделением прав на долю в капитале хозяйствующего общества: проблемы существуют и при реализации права распоряжения на акцию, интеллектуальных прав, обязательственных прав (требований). Один из представителей данной позиции А. В. Егоров указывает: «В отношении акций и долей в ООО регулирование фактически строится по модели не строгой совместной собственности германского образца, а по модели отложенной общности (в том смысле, что стоимость принимается во внимание в момент раздела общего имущества). При этом в полной мере модель отложенной общности (с исчислением дополнительного прироста имущества, его обязательно-правовым разделом и т.п.) в России, разумеется, не представлена» [3, с. 253].

Модель отложенной собственности применяется в правовых порядках Германии, Швейцарии, Австрии и иных стран, то есть в государствах с романо-германской правовой системой, к числу которых относится и Российская Федерация. Данные государства избрали для себя следующий принцип регулирования имущественных отношений супругов: при вступлении в брак производится оценка имущества каждого из супругов, после чего закон регулирует отношения супругов с помощью диспозитивного метода – они сами определяют правовой режим имущества, наиболее благоприятный для них. В случае, если супругами принято решение развестись и разделить имущество, они вновь проходят через процедуру оценки имущества, но уже с учетом прироста имущества каждого из супругов в сравнении, разница между накопленным присуждается тому из супругов, у кого накоплений оказалось меньше. Учитывая, что правообладателем доли в капитале ООО может быть только тот супруг, который указан в реестре, при применении к данному объекту имущества правового режима отложенной собственности, второй супруг в результате раздела имущества автоматически бы получал право на выплату ему действительной стоимости доли, без существующего сейчас дробления данной доли и необходимости повторного обращения в суд для присуждения компенсации. Случаи, когда доля в ООО приобретается на совместные средства, либо на средства не того супруга, который в последствие вносит их в уставной капитал общества, разрешались бы супругами самостоятельно с учетом всех вопросов, которые могут возникнуть в будущем.

В рамках дискуссий о необходимости изменения законного режима совместной собственности супругов, можно привести еще один пример несовершенства правового регулирования. Так, если рассматривать долю в ООО не как спорный объект имущества при разводе супругов, а наоборот, как единственный источник дохода для конкретной семьи, (например, когда один супруг занимается бизнесом, а второй не трудоустроен), то выглядит несправедливой ситуация в отношении долгов супруга бизнесмена, когда по сути он отвечает половиной всего имущества семьи. Разделение в данном случае корпоративных и имущественных прав супруга на долю оборачивается против интересов кредиторов, ведь по собственным долгам супруг отвечает единолично в соответствии с семейным законодательством, а именно половиной от доли в уставном капитале общества. В данном случае происходит полное смешение правовых статусов супруга и участника общества. Судебной практики по данному вопросу нет в виду законных оснований применения субсидиарной ответственности и отсутствием норм, регулирующих данную ситуацию в корпоративном законодательстве.

Приводимая научная точка зрения представляет интерес в свете наметившихся тенденций на разграничение принадлежащих супругам прав на такое общее имущество как доля в уставном капитале ООО и подтверждение Верховным судом на протяжении последних лет своей правовой позиции.

На фоне изученных нами положений следует однозначный вывод – права супруга на долю и права участника общества должны быть разделены. Но всегда ли ответ так очевиден? Дело в том, что последние годы в Российской Федерации все больше распространяется такое явление как семейный бизнес [4]. Легитимного определения данного понятия нет, как и нет особого правового

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации №305-ЭС22-26611 по делу No А40-284789/2021 от 06 апреля 2023.

режима такого субъекта. Тем не менее, ведутся активные научные дискуссии о необходимости разработки законодательства. В Торгово-промышленной палате РФ находится с 2020 г. на разработке Закон «О семейном патенте». В свете полного отсутствия законодательного регулирования и применительно к теме соотношения правового статуса участника ООО и супруга, крайне интересен опыт Объединенных Арабских Эмиратов – страны, которая первой в мире приняла масштабный федеральный закон по вопросам регулирования деятельности семейных компаний, включив в него отдельным разделом нормы, посвященные определению долей в семейной компании. Попытаемся выделить в этом законе решения применимые к России.

Федеральный декрет-закон о семейных компаниях в ОАЭ¹ подчиняется общим нормам корпоративного законодательства о юридических лицах и применяется в части, не противоречащей общему Закону о юридических лицах. К семейным фирмам, согласно данному закону, относятся такие субъекты, большее количество долей (или акций) которой принадлежат лицам одной семьи (либо хозяйствующие субъекты сами определили свою принадлежность к категории «семейных» и подали соответствующее заявление в реестр). Предположим существование данного закона на территории Российской Федерации – будет ли автоматически признаваться семейным бизнесом владение одним супругом 100% доли в уставном капитале ООО как в приведенном выше примере из судебной практики? По нормам семейного законодательства определенно да, по условиям корпоративного – нет. Но в данном случае говорить о правовом статусе лица как супруга в отрыве от правового статуса участника общества, по сути, не имеет смысла. Об этом же свидетельствует приведенный выше пример о субсидиарной ответственности супруга-бизнесмена. Такое простое сравнение с правопорядком других стран позволяет нам отметить существующие пробелы отечественного законодательства. Из любого общего правила должно быть исключение, применяемое в случаях, которые менее распространены, при этом не учтены практикой применения закона.

В целом, рассматривать опыт ОАЭ в части закрепления семейного бизнеса нам позволяют изданные Рязанской и Нижегородскими областями нормативно-правовые акты, которые первыми в России определили, что является семейным предприятием. Процитируем новые поправки в закон субъекта РФ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Рязанской области»²: «члены одной семьи владеют суммарно более чем 50 процентами долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или складочном капитале хозяйственного товарищества, хозяйственного партнерства либо более чем 50 процентами голосующих акций акционерного общества, и один из членов семьи является единоличным исполнительным органом такого юридического лица или председателем совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества либо хотя бы на одного из членов семьи возложено ведение дел хозяйственного товарищества. При этом члены семьи являются работниками такого юридического лица». Скорее всего, в данном НПА речь идет о ситуации, когда один супруг владеет, к примеру, 26% доли, а второй супруг 25%, при этом в обществе есть еще участники. Но этот вывод следует исходя из норм корпоративного законодательства. С позиций семейного законодательства, то есть совместной собственности супругов, при условии принадлежности 51% доли в уставном капитале общества мужу, жена также является собственником половины доли в ООО. Исходя из каких норм депутаты Рязанской области принимали указанные поправки, называя предприятие «семейным»? Опирались ли они при этом на существующую позицию Верховного Суда о разделении корпоративных и имущественных прав супругов? По нашему мнению, ситуация, когда мы можем лишь догадываться на какой из равнозначных федеральных законов ориентирована норма, то ли на Семейный Кодекс (ведь предприятие названо «семейным»), то ли на ФЗ «Об ООО» в виду сложившейся судебной практики, является недопустимой.

Применяя буквальное толкование к термину «семейное предприятие», мы можем заключить: как субъект права оно должно в равной мере подчиняться нормам корпоративного (или предпринимательского) и семейного права. Кроме того, выделение «семейного предприятия» из общего числа субъектов предпринимательской деятельности без соответствующих норм о его

¹ Федеральный закон-декрет №37 2022 года страны Объединенные Арабские Эмираты. Federal Decree Law No. 37 of 2022 Concerning Family Companies (Businesses).

² Закон Рязанской области от 9 июля 2008 года N 73-03 (ред. От 6 марта 2023 года) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Рязанской области».

особом регулировании, либо мер поддержки, не имеет правового эффекта. Далее по тексту закона Рязанской области понятия «семейное предприятие» мы не встречаем. Вернемся к закону ОАЭ и посмотрим, для чего же все-таки может быть выделен данный субъект права.

Как указано в преамбуле Закона ОАЭ, отделение семейного бизнеса от иных субъектов предпринимательства, имеет под собой цель сохранения преемственности такого бизнеса, разработку всеобъемлющей и легкодоступной правовой базы для регулирования владения и управления семейным бизнесом в ОАЭ, а также выделении особого механизма разрешения споров внутри семейного бизнеса.

Особого внимания заслуживают положения закона, предоставляющие семейной компании права создавать «двойной класс долей (акций)», то есть любая семейная компания имеет право в соответствии с собственными потребностями и нуждами определять, кому принадлежат доли в классическом своем понимании, а кому – доли, удостоверяющие лишь имущественные права на выплату действительной стоимости либо на получение определенных доходов без т.н. «права голоса». Что это как не разделение имущественных и корпоративных прав участия, но не на уровне судейского разбирательства, а на уровне закона, в строгом соответствии с его нормами и при учетном особом характере такого субъекта права.

Кроме того, механизм урегулирования споров между участниками семейной фирмы в судебном порядке в принципе затруднителен, ведь согласно нормам закона ОАЭ в числе органов семейной компании рекомендовано создание комитета по разрешению споров, если же компанией не предусмотрено решение о его создании – споры разрешаются в специализированном органе, созданном министерством юстиции. Данное положение крайне спорно и может быть имплементировано в российское законодательство в части создания внесудебного органа для разрешения споров по данной категории дел, однако как известно в России учрежден и функционирует суд по интеллектуальным правам.

В перспективе, при создании аналогичной законодательной базы для семейного бизнеса в России, идея о создании специализированного судебного органа, или, хотя бы, отделов в существующих судах, не выглядит столь неразумной. Учитывая, что все чаще в статистических источниках встречается информация о том, что семейные предприятия составляют 80 % от числа всех субъектов предпринимательства, мы можем считать заявленное направление широким подспорьем для законодательных реформ и возможной «разгрузки» судебной системы.

Изучив то состояние, в котором оказываются субъекты, одновременно являющиеся супругами и предпринимателями, мы можем сделать ряд выводов.

1. Путаница и неопределенность правового статуса субъекта хозяйственного общества начала разрешаться благодаря позиции Верховного суда о необходимости разделения имущественных и корпоративных прав супруга, который является собственником согласно Семейному кодексу, при этом не является правообладателем доли в ЕГРЮЛ. Для выделения собственной доли такому супругу необходимо в первую очередь разделить данную долю в общем имуществе супругов, закрепив за собой таким образом имущественные права. На основании данного раздела, супруг за приобретением корпоративных прав обращается к конкретному обществу с заявлением о внесении данных о себе в качестве собственника доли. При соблюдении данных корпоративных процедур, и при получении отказа общества, у супруга появляется право на выплату действительной стоимости доли. При наличии в Уставе не ограничений, а запретов на вхождение в свой состав нового лица, соблюдение корпоративных процедур для реализации своих имущественных прав супругом необязательно. Данная позиция Верховного суда рассматривается некоторыми учеными в качестве свидетельства начавшегося процесса по изменению законного режима супружеской собственности.

2. Правовой статус участника корпорации и супруга не всегда должен быть столь категорично разведен, эти случаи касаются семейного бизнеса. Из любого общего правила должны быть исключения. На данный момент общее правило задано судебной практикой, а исключение из него в виде семейного бизнеса ни законодателем, ни правоприменителем не выделяется, хотя и существует в объективной реальности. В этой связи мы видим выход из ситуации в следующем. В случае, когда супругами осознанно ведется семейный бизнес, о чем может в том числе свидетельствовать и принадлежность 100 % доли в ООО единственному участнику-супругу, и, как уже было указано, принадлежность двум супругам большей половины долей в ООО – такое предприятие

должно попадать под критерии «семейного», определение, порядок учреждения и функционирования, разрешение споров и вид ответственности которого должны быть урегулированы нормами федерального законодательства.

Решение о принятии отдельного отраслевого закона, содержащего отсылки как к нормам семейного, так и к нормам корпоративного законодательства, при соблюдении баланса данных норм, представляется нам более реальным, чем изменение в целом законного режима имущества супругов. В виду распространенности явления «семейного бизнеса», стоит начать работу именно в данном направлении, что представляется перспективным даже в ближайшее время. Проблема соотношения (а именно разделения) правового статуса участника общества и супруга отчасти должным образом разрешена судебной практикой, но в целях дальнейшего реформирования и прогрессивного развития нашей страны необходимо учитывать и те случаи, когда данные правовые статусы субъекта по своей сути совпадают.

Список источников

1. Зубарева О. Г., Гриненко В. С. Проблемы, возникающие при банкротстве супругов, чьи имущественные отношения регулируются брачным контрактом / Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2021. С. 256–267.
2. Левушкин А. Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 47–55.
3. Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье / Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 232–294.
4. Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. 640 с.

References

1. Zubareva O. G., Grinenko V. S. Problems arising in the bankruptcy of spouses whose property relations are regulated by a marriage contract. In: *Family business & the self-employed: a look through the prism of small entrepreneurship*. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin (eds.). Moscow: Prospect; 2021: 256–267. (In Russ.)
2. Levushkin A. N. Realization of the rights of spouses in the implementation of the activities of a legal entity. *Journal of Russian Law*. 2016;(3):47–55. (In Russ.)
3. Egorov A. V. Joint property of spouses: at a crossroads. In: *Civil law of the social state: Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A. L. Makovsky (1930-2020)*. V. V. Vitryansky and E. A. Sukhanov (eds.). Moscow: Statute; 2020:232–94. (In Russ.)
4. *Family business & LegalTech: scientific solutions for professional entrepreneurship: monograph*. I. V. Ershov, A. N. Levushkin (eds.). Moscow: Prospect; 2023. 640 p. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Г. Зубарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

А. Л. Крупнова – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

O. G. Zubareva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

A. L. Krupnova – Graduate Student of the Department of Civil and Business Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.